

Б. ПОЛЕВОЙ

ГОРДОСТЬ ТОРЖКА

Однажды жители Торжка стали очевидцами удивительного зрелища. По улицам двигался странный обоз. Он казался бесконечным, и в то время, когда передние подводы уже приближались к центру города, задние тянулись еще на окраине. В морозном воздухе раннего зимнего вечера резко скрипели полозья, ржали лошади, слышались крики возниц.

На передней подводе, под красным плакатом, привязанным к передку дровней, сидел чубатый баянист в широленной шубе. Он медленно разводил меха своего инструмента и высоким голосом запевал:

— По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Процессия, удивившая новоторжцов, не могла быть красным обозом. Заготовки в ту пору уже кончились, да и на дровнях было не зерно, не картофель, не лен, а сидели одетые в шубы люди и, подерживая баяниста, изрядно изыбшими голосами пели, кто как умел:

— Чтобы с бою взять
Приморье —

Белой армии оплот...

Между тем первая подвода въехала на центральную площадь и остановилась возле театра. Баянист сложил инструмент, снял огромную шубу и, сразу превратившись в щуплого, подвижного паренька, пошел привязывать лошадь к коновязи. Скоро на площади сталолюдно, как в базарный день, а подводы все прибывали и прибывали.

Задав корм лошадям и стряхнув с воротников иней, приезжие входили в вестибюль театра, снимали шубы и полушубки, шали и полу-

шалки и, сдав все это на вешалку, проходили в фойе. Девушки стаскивали с себя огромные валенки и переобувались в изящные легкие туфли, предусмотрительно привезенные с собой. В фойе стоял веселый, возбужденный гул, какой можно слышать всегда, когда организуется какое-нибудь новое массовое мероприятие.

Когда один из новоторжцев спросил у колхозника, бережно покрывавшего половичком заиндевевшую спинку лошади:

— Куда это народу столько понаехало?—

колхозник резонно ответил:

— Как куда, не видите разве? В театр. Колхозники Быльцинского сельсовета приехали смотреть пьесу «Ромео и Джульетта», сочинение писателя Шекспира.

Вскоре в Торжке привыкли к таким зрелищам, и теперь больше уже не удивляются, когда целый караван подвод или колхозный грузовик доставляют к театру зрителей-колхозников.

Новоторжский театр существует всего четыре года. Но можно сказать без преувеличения, что он уже имеет свой постоянный коллектив, вырабатывает понемногу свой творческий стиль и, что особенно важно, имеет своего зрителя, любящего театр, радующегося его успехам и огорчающегося его неудачами. Этот зритель — рабочие фабрик и заводов, служащие, колхозники, причем не только из пригородных колхозов, но и из тех, что находятся в отдаленных углах района.

Рассказывая о рабочих и искус-

ства, не принято прибегать к цифрам. Мы умышленно нарушаем эту традицию, так как цифры несомненно ярче и убедительнее слов говорят о симпатиях новоторжцев к своему театру. В Торжке около 26 тысяч жителей. Каждую постановку театра просматривают семь—девять тысяч. Спектакль «Ромео и Джульетта» просмотрело одиннадцать тысяч человек. Какой революционный русский театр, какой из современных театров капиталистического Запада может хотя бы мечтать о том, что больше трети населения города просмотрело бы его постановку? В этих цифрах отражается, конечно, не только творческий успех театра, но и огромный культурный рост людей советской провинции.

До революции трудно было найти учреждение более жалкое и менее всего творческое, чем провинциальный уездный театр.

— Разве тогда провинциальный актер мог хотя бы мечтать о на-

стоящем творчестве? Настоящее творчество стало возможным только в советском театре.

Мы сидим за сценой в уборной тов. Ванина. Только что закончился спектакль «Честь», где он отлично, с большой теплотой и подлинным пафосом сыграл роль сурового и честного советского патриота — грузинского охотника Ягора. Его несколько раз вызывали, и старый актер взволнован, он еще находится под впечатлением удачно сыгранной роли. Снимая перед зеркалом пышные бутафорские усы и стирая с лица вазелином «морщины», он говорит уже с настоящим пафосом:

— Наш советский зритель, о-о-о! Это, знаете ли, зритель! Выходил на сцену и с первого же шага чувствуешь, что за каждым жестом жадно и в то же время строго следят сотни

глаз. И знаешь, что, если будешь играть хорошо, с подъемом, это будет тонко понято и оценено настоящим. Если же будешь играть без души, механически, зритель сразу это заметит и не простит, ни за что не простит. Это, знаете, как-то поднимает, не дает остановиться на месте, заставляет постоянно совершенствоваться. И еще что характерно: если ты выступаешь в роли хоть в десятый, хоть в двадцатый раз, все равно от этой связи с чутким, внимательным зрителем чувствуешь все время подъем, играешь творчески.

Художественному руководителю театра, опытному режиссеру А. М. Гнацинтву удалось сколотить в Торжке очень дружный и подлинно творческий коллектив. Он состоит из тридцати семи актеров, из них девять человек — актеры первого плана. С таким составом театр может позволять себе роскошь ставить параллельные спектакли. Каждая постановка тщательно разрабатывается и репетируется пятнадцать — семнадцать раз. Это дает возможность актерам в полной мере развернуть свои творческие способности.

Зрители любят свой театр, гордятся его актерами. Аплодисментами встречали они появление А. И. Ванина в роли профессора Полежаева из пьесы «Беспокойная старость». Эту постановку театр посвятил своему депутату Верховного Совета СССР—академику Вильяму. Актеру Ванину удалось создать в этом спектакле пленительный образ советского ученого, старого годами и поражающего всех юностью своей души. Еще по сих пор новоторжские театралы с удовольствием вспоминают актера А. А. Бутузова в ролях милого чудака — портного Гуревича из «Одной ставки» и простоватого оригинала Черчихина из «Мещан», показанных театром в

прошлом году. Рядом со старыми опытными мастерами сцены играет талантливая молодежь, как, например, актер М. Е. Груздев, с большой простотой и правдивостью сыгравший роль лейтенанта погранохраны Амирава в пьесе «Честь».

Зал Новоторжского театра вмещает до четырехсот человек, но билетов часто нехватает. Новоторжские зрители с огромным интересом смотрят пьесы Шекспира и Гольдони, Островского и Горького, произведения советских драматургов, отражающие счастливую и радостную жизнь советских людей.

Рабочие новоторжских предприятий имеют в театре свои постоянные места. Колхозники приезжают на дневные спектакли целыми колхозами на лошадях и автомобилях. После премьер и в лабораториях Института льна, и в цехах фабрики им. Леккерта, в приемных новоторжских учреждений, на шохах, где обрабатывается льнотреста, можно слышать оживленные разговоры и даже споры о родовых расправах в итальянских семействах Монтеки и Капулетти, о том — не похож ли профессор Полежаев в исполнении актера Ванина на уважаемого всеми депутата Верховного Совета Союза ССР—Василия Робертовича Вильяма, о том, что неверно, пожалуй, поступил старый охотник Ягор, не пристрелив на месте разоблаченного им сообщника диверсантов Сардиона.

Еще во времена Пушкина Торжок славился своими церквями, котлетами, приготовляемыми по особому способу в трактире Пожарского, и невестами. Сейчас он славится свопми льнамп, работами Всесоюзного Института льна—известными всему миру, и своим театром — лучшим из 12 периферийных театров области.

Торжок.